

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Владимир Б. Медведев

Российская открытая академия транспорта
Московского государственного университета путей сообщения,
г. Москва, Россия

Keywords: energy, translation, equivalence, ethnic language, phraseological unit, original language, translating language.

Summary: This article is devoted to the problem of translation as an energy process, the result of which is the interpreter's desire to preserve the ethnoenergetic charge of the source language in the translating language by changing of the language code. The material of Russian-language translations from English and German languages demonstrates the difference between the method proposed here and the methods adopted in translation studies.

Ключевые слова: энергия, перевод, эквивалентность, этнический язык, фразеологическая единица, язык исходный, язык переводящий.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению проблемы перевода как особого процесса, результатом которого является стремление интерпретатора к сохранению в переводящем языке «этноэнергетического заряда» исходного языка при смене языкового кода. На материале русскоязычных переводов с английского и немецкого языков продемонстрировано отличие предлагаемого здесь метода от приемов, принятых в переводоведении.

Стремление переводчика к обеспечению доступности восприятия художественной информации нередко нивелирует исходную текстовку, неоправданно русифицируя содержание произведения и, как следствие, лишая его национального своеобразия.

Между тем, следуя энергетической концепции языка, постулирующей приверженность сознания индивида тому мировидению, которое заключено в национальном языке, задачей

переводчика является стремление сохранить этническое своеобразие поэтического мира произведения. Энергия языка перевода по силе воздействия на мышление читателя должна быть эквивалентна энергии, заключенной в творческом языке автора, сохраняя при этом этническое своеобразие. Иными словами, переводчик не соревнуется с автором в достижении эмоционального воздействия на читательское восприятие, но стремится донести до читателя исходное содержание этнически приближенным к поэтической реальности художественного мира произведения.

Энергетический подход к интерпретации межъязыковых трансформаций можно было бы проиллюстрировать одним из положений термодинамики, сводящимся к утверждению наличия изменений в системах разнотемпературных тел в процессе их теплообмена. Возможно, нечто подобное этому физическому явлению, называемому **рассеиванием**, или **диссипацией** энергии, должно наблюдаться и в сохранении переводчиком этнолингвистической приверженности в межъязыковых трансформациях. В лингвистике более определенно данная взаимозависимость может быть выражена как константность проявления некоторых национально-языковых признаков в иной вербальной репрезентации. Более того, согласно первому началу термодинамики, энергия не может быть уничтожена; она передается от одной системы к другой, что получило название закона сохранения и превращения энергии. Если первый закон термодинамики обобщенно формулирует способность сохранения системой внутренней энергии и передачи элементарного количества ее другим телам в ходе совершенной работы, то логично предположить, что энергетический заряд одной языковой системы не растворяется и не исчезает при смене индивидом этой системы на другую, продолжая потенциально присутствовать в сознании и получать по мере надобности иную языковую реализацию. Таким образом, задачей переводчика является максимальное сохранение в межъязыковых трансформациях этноязыкового содержания в переводящем языке. При этом должны быть исключены случаи языковой интерференции, возникающие при недостаточном владении индивидом вторым языком, поскольку речь в данном случае идет не о насильственном навязывании элементов одного языка другому в нарушение сложившихся языковых норм, но о внедрении в систему «языка творчества» единиц этнического языка. Такое взаимодействие языков, а именно о нем идет речь, предполагает не только общеизвестную и достаточно распространенную практику лексических заимствований, но более основательное и не всегда явное взаимопроникновение

языков путем перетекания внутренней формы единиц одного языка во внешнюю оболочку элементов заимствующего языка. Поясним вышесказанное на некоторых примерах.

А.В. Федоров приводит интересный вариант дословного перевода устойчивого словосочетания *Haare auf den Zähnen haben* из «Записок господина Шнабелевопского» Г. Гейне, осуществленный П.И. Вайнбергом:

...die schöne Marianne hat jetzt noch alle ihre Zähne und noch immer Haare darauf (Федоров, 1968: 195).		<i>Марианна сохранила все свои зубы и волосы на них</i> (Федоров, 1968: 195).
---	--	--

Бессмысленность такого способа передачи фразеологизма на русский язык очевидна и, конечно, более предпочтительным представляется перевод этого предложения, выполненный Е. Лундбергом: «*Прекрасная Марианна сохраняет пока еще все свои зубы и пускает их при случае в ход*» (Там же).

Адекватная замена оживила перевод, но привела к утрате этноязыковой неповторимости идиомы, так как не вызывает сомнения тот факт, что названный прием не обеспечивает тождественности восприятия образного мира коммуникантами. Следовательно, распространенные способы достижения эквивалентности необходимо дополнить каким-то иным приемом, с помощью которого в переводе были бы соотнесены национальный дух источника и норма переводящего языка. К таковым с полным правом можно отнести интерпретацию содержания лексической единицы. Задержимся на миг в магическом круге познаваемого языка и попытаемся проникнуть не в способы употребления конкретного выражения, а в его истинную концептуальную сущность, интуитивно представленную в сознании носителя исходного языка.

Этимологические изыскания свидетельствуют о том, что выражение *Haare auf den Zähnen haben* связывается в сознании немецкоязычного индивида не с зубами, поросшими волосами, а с бородой, символизирующей мужество и способность постоять за себя (Paul, 1956). Содержание этого словосочетания далеко не идентично значению «*быть бойким на язык*», почерпнутому в отечественных словарях, и представляет собой усеченный вариант немецкого фразеологизма. Транслят в том виде, в каком его дает Е. Лундберг, является далеко не полным и требует, на наш взгляд, дальнейшего развития: «*бойкость языка*» должна быть дополнена «*мужественностью характера*». К примеру, так: «*Марианна*

сохранила и с готовностью показывает свои зубы, так что и без обрамляющей их бороды вид у нее достаточно мужественный».

Подобное преобразование в определенной степени приблизило нас к исходной цели: мы передали игру слов оригинала, осуществив адекватную замену, и восполнили недостающий компонент фразеологизма, объяснив его содержание, при одновременном сохранении исходного образа. Иными словами, в работе с лексическими элементами следует «дожимать» воплощение национального образа в переводящем языке, проникая в глубинную структуру лексемы.

Обратимся к другим примерам. В отечественных словарях устойчивое выражение *for the birds* переводится примерно одинаково: «только для несмышленьшей; никуда не годится» (Мюллер, 1992), «дрянь, никуда не годится» (НАРС 1993). Переводчик отрывка из романа Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» предпочел эквивалент *luna*, что соответствует содержанию контекста, но не эквивалентно этническому образу.

Ср.:

They advertise in about a thousand magazines, always showing some hot-shot guy on a horse jumping over a fence. Like as if all you ever did at Pencey was play polo all the time. I never even once saw a horse anywhere near the place. And underneath the guy on the horse's picture, it always says: "Since 1888 we have been molding boys into splendid, clear-thinking young men". Strictly for the birds (Salinger, 1979: 28).

Рекламу вы, во всяком случае, видели. Ее печатают чуть ли не в тысяче журналов – этаким хлюст, верхом на лошади, скачет через препятствия. Как будто в Пэнси только и делают что играют в поло. А я там и лошади не разу не видел. И под этим конным хлюстом – подпись: «С 1888 года в нашей школе выковывают смелых и благородных юношей». Вот уж luna! (Сэлинджер, 1986: 13).

Вполне определено, что буквальный перевод ФЕ (фразеологического единства) *for the birds* как *для птиц* способен был бы вызвать лишь недоумение у читателя. Поэтому стремление к сохранению этнонима подсказывает поиски иных решений, сближающих исходный и конечный тексты в образности, например *курам на смех* (хотя, как известно, в русском языковом сознании курица не считается птицей), но еще лучше путем дополнения: «*Это их объявление годится разве что птицам на подстилку!*»

В нижеследующем предложении во имя сохранения образа, заложенного в исходном языке, можно было бы прибегнуть к

толковательному способу подачи этого устойчивого выражения, подав его в развитии.

Ср.:

Saturday afternoon before Easter in the grocery business is what my august and illiterate son would call for the birds (Steinbeck, 1985: 60).

Торговать бакалеей в канун Пасхи – это, как сказал бы мой августейший и невежественный сын, «дохлое дело», уж лучше сразу скормить все птицам (Стейнбек, 1989: 65).

Вышеприведенные официальные трансляты ФЕ *for the birds* не показывают на какие-либо изменения в системе языка перевода, но и не подтверждают связи с исходным произведением из-за элиминации этнонима и подстановки на его место русского устойчивого выражения, что противоречит принципам энергетического подхода к переводу.

В предлагаемых нами вариантах отмечены незначительные системные отклонения, не диссоннирующие, впрочем, с русской языковой нормой, но сохраняющие в определенной степени этническую диссипацию языка оригинала.

Лексикографический источник предлагает следующее соответствие фразеологизму *water under the bridge*: «*A lot of water has passed/ flowed, gone/ under the bridge – много воды утекло*» (НАРС 1993), который можно было дополнить и такими тождественными вариантами: «*было да былем поросло/ вешними водами все пронесло*», «*предать забвению*», «*кануть в Лету*» – и даже пушкинскими строками «*Дела давно минувших дней,/ Преданья старины глубокой*». Вполне очевидно, что все перечисленные выше русские трансформы не отвечают стилистически нейтральному английскому ФЕ, и потому перевод Н. Волжиной и Е. Калашниковой является достаточно приемлемым, сохраняя в известном латинизме даже метафорически переданную водную стихию в качестве символа перемен («*всё течет*»):

Water under the bridge, Ethan – water under the bridge. I know you got burned. But times are changing, new opportunities opening up (Steinbeck, 1985: 19).

Всё течет, всё меняется, Итен. Всё меняется. Я знаю, вы сильно обожглись. Но теперь совсем другие времена, другие возможности (Стейнбек, 1989: 16).

В оригинальном толковании содержание данного устойчивого выражения отличается от интерпретаций в российских лексикографических изданиях: не просто *меняющегося*, но *сделанного и не подлежащего изменению*: «*something that has happened and cannot*

be changed» (Leaney, 2005: электрон. ресурс). И там же приводится пример: «I should probably have asked for more money when I was offered the job, but hey, that's water under the bridge now» – ‘Мне бы надо было попросить побольше денег, когда предложили работу, но теперь это уже вода под мостом’.

В иной интерпретации это ФЕ подается как «нечто свершившееся, что подлежит забвению»: «We say “water under the bridge” to refer to past experiences and conflicts which we have decided to forget. This idiom compares these memories of the past to water which has passing under (the) bridge. Example: “Aren't you still angry about what he said?” Answer: “No, that was a long time ago. It's all water under the bridge”» – ‘Мы говорим «вода под мостом» относительно прежних переживаний и конфликтов, которые мы решили забыть. Эта идиома сравнивает воспоминания о прошлом с протекающей под мостом водой. Пример: «Разве вы не злитесь на то, что он сказал?» Ответ: «Нет, это было давно. Это всё вода под мостом»’ (Water: электрон. ресурс).

Примерно в том же ключе дает толкование этого выражения другой источник: «If something belongs to the past and isn't important or troubling any more, it is water under the bridge» – ‘Если что-то принадлежит прошлому и теперь не представляет важности или больше не беспокоит, – это вода под мостом’ (WuB: электрон. ресурс).

В связи с этим русский транслирует *всё течет, всё меняется* требует несколько иной трансформации, может быть, даже буквальной передачи этого фразеологизма – *вода под мостом*. Ведь не стали же авторы перевода переименовывать на русский лад название австралийского телефильма «Water under the bridge», снятого в 1980 г. режиссером. А. Озинсом, так и оставив нетронутым его оригинальное название: «Вода под мостом». Первую часть трилогии Дж. Новака «Under the bridge» переводчик Дм. Гломозда также передал в русском варианте как «Вода под мостом», дополнив недостающий элемент исходного словосочетания в русском названии.

Так и в случае с выдержкой из романа Дж. Стейнбека вполне возможным представляется сохранение англоязычного образа воды под мостом с соответствующим дополнением: «*Всё течет, всё меняется, Итен, как вода под мостом*».

Ни в коем случае недопустимы такие переводческие вольности, граничащие с небрежностью, как необоснованная замена исходного этнического образа.

Ср.:

Spring's in, Mr. Baker.
Ground – hog was right again
(Steinbeck, 1985: 19).

– Весна пришла, мистер
Бейкер. **Крот-то**, хитрец,
оказался прав (Стейнбек,
1989: 16).

Далее следует примечание составителя: «*Ground-hog Day* – 2 февраля. Сретение. Существует поверье, что в этот день просыпается после зимней спячки сурок и, если он видит свою тень, т.е. если день солнечный, он возвращается в свою нору еще на шесть недель зимней погоды, которую он таким образом предсказывает» (Steinbeck, 1985: 246). Переводчик же допустил непростительную вольность и подменил сурка на... крота, разом перечеркнув существующую в Америке национальную традицию, закреплённую в языке.

В приводимом ниже отрывке переводчикам показалось более эффективным пожертвовать *спаржей*, указанной в оригинале, в пользу усиления «финансовой составляющей». Это привело к использованию в трансляте дополнительного устойчивого выражения *в поте лица*, но самое главное, вызвало устранение из текста колоритного сравнения, где упоминается неумение отличить спаржу от двойной бухгалтерии.

I know your story. You didn't
know your asparagus from a hole
in the double-entry bookkeeping
(Steinbeck, 1985: 146).

Знаю я вашу повесть. **Не**
умели отличить дебет от
кредита в счетной книге.
Пришлось в поте лица
постигать премудрости
двойной бухгалтерии
(Стейнбек, 1989: 164).

В нижеследующем примере выражение *природное любопытство* затенило значение неминуемой расплаты за отсутствие требуемой деликатности, закреплённое за устойчивым выражением *peeping Tom*, что соответствует скорее русскому фразеологизму о *любопытной Варваре*.

Ср.:

I all admit I've peeked.
Guess I'm peeping Tom at heart
(Steinbeck, 1985: 146).

Каюсь. Я нет-нет да и
загляну одним глазком.
Природное любопытство, что
поделаешь (Стейнбек, 1989: 165).

Однако переводчики предпочли нейтрализовать «этнический заряд» исходного текста, заменив фразеологизм словосочетанием, лишенным как англоязычного, так и русского своеобразия.

Использование данного переводческого приема позволяет

выполнять межъязыковые трансформации даже в тех случаях, когда перевод представляется невыполнимым. Например, в переводе отрывка из романа Э. Хемингуэя «Прощай, оружие» была опущена значимая часть, свидетельствующая и о чувстве юмора героя и о его – а вероятнее всего, и автора – пренебрежительном отношении к национальной символике страны, которой была принесена присяга на верность.

Ср.:

*They asked me, if they would declare war on Turkey. I said that was doubtful. **Turkey**, I said, was **our national bird** but the joke translated so badly and they were so puzzled and suspicious that I said yes, we would probably declare war on **Turkey*** (Hemingway, 1976: 86).

Меня спросили, объявим ли мы войну Турции. Я сказал: да, вероятно мы объявим войну Турции (Хемингуэй, 1983: 65).

Каламбур в исходном тексте построен на омонимии слов, обозначающих страну Турцию и индюка, ассоциируемого не без иронии с орлом на гербе США. Поэтому необходимо этот пассаж как-то обыграть, чтобы донести до читателя замысел автора. В данном случае можно использовать и утвердившееся в русском языке сравнение, свидетельствующее о недалекости жителей этой страны (Вспомним Козьму Пруtkова: «Ревнивый муж подобен турку»). Транслят мог бы приобрести, например, такой вид: «Меня спросили, объявим ли мы войну туркам. На что я ответил, что было бы ошибкой объявлять войну стране индюков; ведь индюк – наша национальная птица, присутствующая на американском государственном гербе». Возможен еще один вариант перевода. Турция и индюк пишутся в английском одинаково: *Turkey* – т.к. когда-то цесарку ввозили в Англию через Турцию. Отсюда и синонимичное обозначение в английском индюка как «турецкого петуха». Поэтому можно предложить еще один трансформ: «Меня спросили, объявим ли мы войну туркам. На что я ответил, что было бы ошибкой объявлять войну турецким петухам; ведь турецкий петух – наш национальный символ».

Нередко этноэнергетика исходного текста остается нереализованной при переводе имен, сопровождаемых прозвищами (при указании функций, выполняемых спортсменом в команде), когда переводчик берет на себя смелость соперничать с автором в определении важности доносимой до читателя информации.

Например, в следующем отрывке *Сэтчел* является не именем, а прозвищем, обозначающим в американском сленге человека с большим ртом (*satchel mouth*). Данная черта во внешности персонажа, представляющая важную писателю, должна была бы найти, по нашему мнению, отражение и в трансляте.

Ср.:

Old Satchel Paige said the wisest thing about that I ever heard. He said, "Don't look behind. Something may be gaining on you" (Stainbeck, 1985: 147).

Умней всех об этом сказал старый Сэтчел Пэйдж: «Не оглядывайтесь назад. Может быть, за вами погоня» (Стейнбек, 1989: 166).

В переводе отрывка из анализируемого романа Э. Хемингуэя переводчик по непонятным причинам счел нерелевантным упоминание автором позиции в команде спортсмена, подающего мяч (*pitcher*):

Babe Ruth was a pitcher then playing for Boston (Hemingway, 1976: 132).

Бейб Рут играл теперь за Бостон (Хемингуэй, 1983: 110).

В данном ряду реалий, подлежащих переводу, следует указать также и наименование напитков, в особенности имеющих отношение к стране переводящего языка. Например, *Kümmel* в переводе с немецкого означает тминную водку.

Ср.:

It was the brandy bottles and a bottle shaped like a bear, which had held kummel <...> The best kümmel comes in those bear shaped bottles. It comes from Russia (Hemingway, 1976: 136).

Те бутылки были из-под коньяка, и одна бутылка, в виде медведя, была из-под кюммеля. <...> Самый лучший кюммель продают в таких бутылках-медведях. Его привозят из России (Хемингуэй, 1983: 116).

Приверженность к этноязыковым тонкостям исходного языка способствует не только сохранению в трансформе языковой картины мира, но и точности передачи плана содержания искомой единицы. В выражении *Grab the gold ring for a free ride*, связанном с умением сорвать висящее на карусели кольцо, что дает право бесплатного катания, речь идет о пожелании не упустить удачу. Нетрудно заметить, что смысл выбранной переводчиком поговорки не вполне соответствует оригинальному авторскому замыслу.

Ср.:

Grab the gold ring for a free | *На Бога надейся, а сам не*

ride (Stainbeck, 1985: 148). | *плошай* (Стейнбек, 1989: 166).

Применительно к данному предложению можно было бы выбрать трансформ, более близкий к содержанию английского высказывания, например, «не упусти кольцо удачи».

Вышеприведенные комментарии к энергетическому подходу в переводческой деятельности свидетельствуют о том, что во многих случаях следует избегать трансляционных рокировок, приводящих к этническому обесцвечиванию итогового транслята, но попытаться подобрать варианты, сохраняющие силу «этнического заряда» исходного текста, с тем чтобы перевод передавал всю полифонию звучания, присущую поэтическому миру оригинала.

Это стремление подкрепляется мультикультурализмом современной общественной жизни, способствующим всё большему взаимообогащению языков и взаимопроникновению закрепленных в них социально-исторических реалий, так что то, что еще недавно казалось экзотическим элементом чуждого нам образа жизни, зафиксированного в иноязычном произведении, ныне укрепляет мосты взаимопонимания.

Литература:

- Мюллер, Владимир Карлович. 1992. *Англо-русский словарь* / изд-е 23-е. Москва: Русский язык.
- НАРС – *Новый большой англо-русский словарь*. 1993. В 3-х т. / Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др.; под общ. рук. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. Москва: Русский язык.
- Стейнбек, Джон. 1989. *Зима тревоги нашей* / пер. с англ. Н. Волжиной и Е. Калашниковой. В: Дж. Стейнбек. *Собр. соч. в 6-ти тт.* Т. 6. Москва: Правда. 5–278.
- Элинджер, Джером. 1986. *Над пропастью во ржи* / пер. с англ. Рита Райт-Ковалева. Львов: Высшая школа.
- Федоров, Андрей Венедиктович. 1968. *Основы общей теории перевода* / изд. 3-е. Москва: Высшая школа.
- Хемингуэй, Эрнест. 1983. *Прощай, оружие!* / пер. с англ. Е. Калашниковой. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во.
- Hemingway, Ernest. 1976. *A Farewell to Arms*. Moscow: Progress Publishers.
- Leaney, Cindy. 2005. *In the Know. Understanding and using idioms*. Cambridge: Cambridge University Press. URL: <https://books.google.at/books?id=FSZ4u9SY11wC> (дата обращения 16.06.2017)
- Paul, Hermann. 1956. *Deutsches Wörterbuch*. In: 2 Bänden. Bd. II. Halle

- (Saale): VEB Max Niemeyer Vlg.
- Salinger, Jerome D. 1979. *The Catcher in the Rye*. Moscow: Progress Publishers.
- Steinbeck, John. 1985. *The Winter of our Discontent*. Москва: Высшая школа.
- Weisgerber, Leo. 1971. *Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik*. 4. Auflagen. Düsseldorf, 1971.
- Water [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goenglish.com/Water Under The Bridge.asp> (дата обращения 3.05.2017).
- WuB [Электронный ресурс]. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения 21.04.2017).